

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых кровей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе,

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

17-18 марта 1931; 1935

For the deafening glory of forthcoming ages
for that noble tribe: humankind.

I was robbed of my place at the feast of the sages,
my happiness and my honor, denied.

My age, the wolfhound, goes straight for my throat.
But no wolfblood flows in my veins.
Won't you tuck me inside (like hat into sleeve)
the hot fur of Siberia's plains.

Away from the bloody bones caught in the wheel,
cowardice, slushy filth—out of sight.
So that blue arctic foxes may shimmer for me,
their primordial grace—fill my night.

Take me into the night where the pines touch the stars,
to that night where the Yenisei flows.
Because I am no wolf—not by blood—and I know,
I will only be killed by my own.

17-18 March 1931, end of 1935. Translated by Lev Fridman.

For the thundering glory of the coming ages,
For the tall race of men,
I've given up my cup at my fathers' feast,
And my joy, and my honor.

The wolf-fanged century leaps at my shoulders,
But my blood isn't a wolf's blood,
So, like a crumpled hat, stuff me into the sleeve
Of a Siberian sheepskin,

So I won't have to see the cowards, nor the bits of gristle,
The bloody bones stuck in the wheel,
So all night the polar foxes may shine
On me in their primordial beauty.

Take me into the night where the Yenisei flows,
Where the pine tops touch the stars,
Because my blood isn't a wolf's blood,
And only an equal will kill me.

17-18 March 1931, end of 1935. Translated by Alex Halberstadt.

On Adaptation

Vladimir Nabokov

DECEMBER 4, 1969 ISSUE

Here is a literal translation of a great poem by Mandelshtam (note the correct form of his name), which appears in the original Russian on pp. 142 and 144 of Olga Carlisle's anthology, *Poets on Street Corners* (Random House, New York, 1968). It consists of sixteen, tetrametric (odd) and trimetric (even), anapaestic lines with a masculine rhyme scheme *bcbc*.

1 *For the sake of the resonant valor of ages to come,*
for the sake of a high race of men,
I forfeited a bowl at my fathers' feast,
4 *and merriment, and my honor.*

On my shoulders there pounces the wolfhound age,
but no wolf by blood am I;
better, like a fur cap, thrust me into the sleeve
8 *of the warmly fur-coated Siberian steppes,*

—so that I may not see the coward, the bit of soft muck,
the bloody bones on the wheel,
so that all night the blue-fox furs may blaze
12 *for me in their pristine beauty.*

Lead me into the night where the Enisey flows,
and the pine reaches up to the star,
because no wolf by blood am I,
16 *and injustice has twisted my mouth.*

дорогие друзья, спасибо что пришли.

На этой неделе я хотел бы представить несколько переводов стихотворения Осипа Мандельштама. Оно не имеет названия, но оно является частью более широкого цикла стихов. Хотя мой брат интенсивно изучал этот набор сочинений (в его подготовке к изданию своего перевода поэмы, которую мы будем читать сегодня), я только имел возможность немного углубиться в исторический и эстетический контекст который здесь важен. Вот краткое описание того, что он рассказал мне, с небольшим количеством из моего собственного анализа.

Прежде всего - как вы можете увидеть с первого изображения в данном документе, эта специфическая поэма была написана в 1931 году (новая версия тоже появилась в 1935 году). Это была эпоха Сталина; век, который не подходил поэтам как Мандельштам. На самом деле, век (и советская власть) бросился на них, как волкодав, прижимая их к земле без какого-либо ослабления. Мандельштам, друг Ахматовой и Пастернака, был жгучий сатирик, и его самое известное стихотворение - Кремлёвский горец (острый образ сталинского политического климата) - привело к его аресту и изгнанию. Стихотворение, которое мы рассматриваем сегодня, поэтому, часто считается частью цикла *Convict*-а или цикл волка. Это мое мнение (а также [некоторых критиков](#)) что стихи в этом циклы объясняют отношение Мандельштама к его опасных критических замечаний, его “равных” поэтов (“...И меня только равный убьет”), и к сущности своей страны, и как природного и политического пейзажа.

Сегодня мы смотрим на два перевода из одной книги, изданной [Ugly Duckling Presse](#), один из которых мой брат написал. (Я включая третий перевод, Набокова, для стилистического сравнения.) Несмотря на то, что я, очевидно, говорю от субъективной точки зрения, я надеюсь, что вы будете чувствовать себя свободно критиковать любую из текстов, которые мы сегодня изучаем. Сказав это, мой брат рассказал мне о некоторых из ограничений и ценностей, которые он принял в этом переводе. Его первая цель: сохранить силу рифмы. Эта характеристика, рифма, не хранилась в любом из двух других примеров. Его вторая цель состояла в том, чтобы сохранить некоторый аспект молитвы, которая сильно выделяется в русской форме поэмы (особенно в конечной строфе). Лично, я считаю что стихотворение Набокова, ‘расстрел’, которое Leza и Леор показали нам, имеет очень похожий дух. (Это качество несчастной, отчаянной, но достойной молитвы, также, кажется, появляются и в других стихах Мандельштама.) В-третьих, Льва мне сказал что он хотел остаться верным к языком - то есть, идиомы и конвенции и аллюзий - и мысли периода

Мандельштама. Это также, говорит в ретроспективе, где он не выполнил свою цель в качестве переводчика. Как вы думаете?